

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 166—173.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 166—173.

УДК 17.022.1:141.132(430)

EDN <https://elibrary.ru/pwwqwf>

DOI: 10.46726/И.2026.3.18

АРИФМЕТИКА И АЛГЕБРА МОРАЛИ (О ЗОЛОТОМ ПРАВИЛЕ НРАВСТВЕННОСТИ И КАТЕГОРИЧЕСКОМ ИМПЕРАТИВЕ КАНТА)

Ксения Леонидовна Ерофеева

Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина,

г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Аннотация. Золотое правило нравственности и категорический императив И. Канта рассматриваются в их соотношении, как вехи исторического прогресса в области морального сознания в целом и этической теории в частности. Принцип талиона рассматривается как форма первобытного сознания, а принцип взаимности — как начальная форма нравственности. Приводятся противоречивые оценки золотого правила нравственности, сделанные рядом современных философов. В результате их анализа доказывается, что золотое правило нравственности являет собой исторически и логически первый уровень морального сознания, выступает в качестве «арифметики» моральной практики и этической теории. Анализируются этические позиции Н.Ф. Федорова и А. Швейцера в их соотношении с содержанием категорического императива. Обосновывается вывод о том, что категорический императив и сегодня остается оптимальной формой выражения сущности морали как формы и средства гармонизации интересов всех членов любого сообщества.

Ключевые слова: золотое правило нравственности, категорический императив, моральное сознание, этическая теория, супраморализм Н.Ф. Федорова, этика благоговения перед жизнью, альтруизм и эгоизм

Для цитирования: Ерофеева К.Л. Арифметика и алгебра морали (о золотом правиле нравственности и категорическом императиве Канта) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 166—173.

Золотое правило нравственности и категорический императив, сформулированный И. Кантом, трактуются в этической философии как крупнейшие вехи становления морального сознания. Эти этические принципы рассматривают по-разному: иногда как изолированные друг от друга, иногда — как выражающие сходное содержание или, напротив, как едва ли не противоположные морально значимые установки. Попытаемся показать, что золотое правило нравственности являет собой исторически и логически первый, начальный уровень морального сознания, выступает в качестве «арифметики» моральной практики и этической теории. Категорический императив же представляет собой высший, до настоящего времени не превзойденный уровень морального сознания, получивший в двух дополняющих друг друга формулировках Канта свое полное выражение. Таким образом, эти этические принципы можно рассматривать как исторические вехи развития морального сознания человечества.

Как известно, первобытное сознание не содержит нравственных принципов как таковых. Оно включает в себя системы всякого рода безусловных запретов

(табу), которые обычно имеют сакральное, а не рациональное обоснование. Эти запреты в одинаковой мере касаются и тех ситуаций, которые мы сегодня рассматриваем как морально значимые, и тех, что имеют морально нейтральное содержание. Это мы можем видеть на примере Ветхого Завета, правил жизни различных первобытных культур.

До того, как появилось золотое правило, все противоречия, содержащие «конфликты интересов», разрешались на основе принципа талиона — «око за око, зуб за зуб». Нельзя не видеть, что «золотое правило» явилось на этом историческом фоне огромным шагом на пути морального прогресса человечества. Вместо чувства мести или примитивного, «прямолинейного» понимания справедливости это правило призывает руководствоваться сочувствием, состраданием, снисходительностью к слабостям людей, основанными на саморефлексии. В простых ситуациях, касающихся базовых интересов и потребностей людей, оно действует безотказно. Никто не хочет, чтобы его убивали, грабили, мучили, унижали. С другой стороны, всякий желает для себя снисхождения со стороны других, если совершает нечто недолжное с точки зрения морали. Золотое правило требует, чтобы даже совершивший проступок, преступление имел право на некоторое снисхождение.

Реальные нравы не только древнего, но и современного общества показывают, что даже в этих простых для моральной оценки случаях соблюдать золотое правило могут далеко не все и не всегда. Сложность здесь коренится как в эмоциональной, так и в рациональной мотивации. Эмоции гнева, зависти, мести нередко заставляют субъекта морально-значимого действия забывать, что перед ним такой же, как он, представитель человеческого рода. Но не менее часто данное правило игнорируется вполне сознательно, на том основании, что объект морально-значимого отношения не рассматривается как равный субъекту или даже исключается из сферы действия морали. Для подобного типа сознания представители другой расы, другой религии, враждебного класса и т. п. — «не люди».

Один из крупнейших отечественных специалистов в этической теории А.А. Гусейнов неоднократно обращался к теме золотого правила нравственности. В одной из своих статей философ подробно анализирует Принцип взаимности, который впоследствии и получил название золотого правила, и был сформулирован Конфуцием еще за 500 лет до появления Евангелия. Гусейнов отмечает, что золотое правило присутствует во всех великих культурах древности и, «по всей вероятности, в каждой культуре оно возникало каждый раз заново» [Гусейнов: 112]. Исследователь подчеркивает, что отношение, лежащее в основе «золотого правила», «... направлено не на других в их своеобразии, а на самого себя. Говоря точнее, отношение к другим реализуется через отношение к самому себе. Оно нацеливает на то, чтобы рассматривать других не в отличии, а в их единстве с самим действующим индивидом, и потому самому быть наилучшим, блокируя желания сердца, которые не соответствуют ритуалу» [Там же: 116—117].

Современный американский философ Джеффри Уолтз в своей известной работе, также посвященной этой теме, всесторонне рассматривает золотое правило — его генезис, исторические формы, религиозные и светские интерпретации, практическое значение для современной этической жизни. В заключение своего исследования он, как и А.А. Гусейнов, приходит к выводу, что данное правило «выражает человеческое родство, самую фундаментальную истину, лежащую в основе морали» [Уолтз: 324].

И. Кант отрицал «золотое правило» в качестве морального закона на том основании, что для достижения морально должного результата им можно руководствоваться далеко не во всех морально значимых ситуациях. Так, по его словам,

некоторые охотно согласились бы, чтобы другие не делали им добра, лишь бы не надо было другим оказывать благодарений, преступник стал бы приводить доводы против своих карающих судей и т. д. К этим аргументам «против» золотого правила можно добавить немало других. Например, игнорируя тот факт, что благо для одного не всегда является благом для другого, родители могут нанести вред своим детям, заставляя их проживать «не свою» жизнь. Взяточник охотно и сам предлагал бы взятки, и общество в целом несло бы урон от тотальной коррупции...

Г.Н. Гумницкий, разработавший на материалистической основе наиболее целостную и последовательную этическую систему, весьма критически оценивает «золотое правило». Философ трактует сущность морали как баланс интересов индивида и общества. Он подчеркивает, что в морали как форме общественного и индивидуального сознания выражается и осуществляется социальная природа человека. Но «золотое правило», по его мнению, нарушает баланс интересов, ибо «оно имеет субъективистскую, индивидуалистическую подоплеку и сущность» [Гумницкий: 84]. Согласимся с утверждением советского философа, что роль данного принципа «является неоднозначной, противоречивой». Гумницкий подчеркивает «сомнительность его оценки как «Золотого правила» и признания исходным и главным принципом морали, на что претендуют его адепты» [Там же].

Мы же считаем это правило *исходным*, но далеко не *главным* этическим принципом. Исходным — ибо исторически первым, начальным шагом человечества в его нравственном развитии. Исходным это правило можно считать еще и потому, что оно применимо в наиболее простых и общезначимых этических ситуациях. Золотое правило обращено к еще не вполне зрелому, «детскому» моральному сознанию. Не случайно к нему апеллируют, когда вызывают к совести воспитуемого ребенка. Если его поступок обнаружил жестокость, жадность, небрежность по отношению к другому, говорят: «Представь себя на его месте!» С таким же призывом обычно обращаются и ко взрослому, уровень морального сознания которого невысок.

Категорический императив Канта, напротив, обращен к личности нравственно зрелой, способной мыслить гибко, ответственно, диалектически, творчески. Только обе формулировки этого императива, предложенные великим мыслителем, следует рассматривать как универсальное правило и основу всей морально значимой практики. Первая из этих формулировок отвечает моральному отношению субъекта к обществу в целом, вторая — моральному отношению к конкретному, единичному человеку, включая самого субъекта отношения. «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [Кант: 260], и «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человеку и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [Там же: 270].

В этих формулировках важно каждое слово, они выверены автором скрупулезно, являют собой результат глубоких размышлений. Следует подчеркнуть: Кант не требует, чтобы мы вообще не относились к другому человеку как к средству. Он понимает, что это невозможно. Вступая в отношение с другим, человек руководствуется и утилитарными, прагматическими соображениями, лежащими вне этической плоскости. С помощью другого, посредством другого человека мы стремимся достигнуть некой цели — чаще эгоистической, «для себя», но иногда и альтруистической, «для других». Более того, даже в случаях, когда через другого человека мы удовлетворяем не материальную, а духовную (эстетическую, познавательную) потребность — и тогда он выступает для нас как средство. Все эти

виды отношений неустранимы из нашей социальной жизни, нашего существования в мире людей. Моральное же отношение требует помнить, что любой представитель человеческого рода *не только* средство, но и самоценность, или *цель*. В каждом конкретном случае мы сами заново, творчески обязаны решить, как найти баланс между утилитарным и моральным; личным и общественным; эгоистическим и альтруистическим аспектами поступка. Категорический императив был сформулирован кенигсбергским мыслителем два с половиной столетия назад. Напрашивается вопрос: были ли сделаны какие-то принципиально новые шаги в теории морали за последующий период? Остановимся на тех идеях XIX—XXI веков, которые можно рассматривать как продолжение и развитие этических размышлений Канта. Они немногочисленны. По-видимому, к названной категории есть основания причислить лишь две.

Первая из них содержится в учении основоположника русского космизма Николая Федоровича Федорова. Его философия общего дела — едва ли не самый грандиозный и дерзновенный продукт человеческой мысли — содержит, в частности, принципиально новые этические установки. Федоров распространил моральное отношение не только на всех живущих людей и будущие поколения, но и на всех умерших. Не случайно сам мыслитель нашел для своей идеи «воскрешения отцов» новый термин — *супраморализм*. Этика Канта в свете грандиозной идеи — проекта достижения бессмертия и освоения Вселенной представляется Федорову неполной и даже лицемерной. В своих статьях и подготовительных материалах мыслитель часто вступает в полемику с автором категорического императива. Об этом свидетельствуют уже сами названия — «Иго Канта», «Моральная казуистика Канта» [Федоров: 4]. Но, по сути дела, Федоров «вменяет в вину» немецкому философу только одно — то, что он не распространяет требований морали на ушедшие поколения. Между тем нетрудно заметить, что ни одно из требований категорического императива не противоречит федоровской концепции. Если допустить, что идеи «Московского Сократа» когда-либо смогут осуществиться, то обе формулы категорического императива станут в полной мере приложимы к задачам всеобщего воскрешения и последующего морального и творческого преображения человечества.

Какой же этический принцип, по Федорову, должен стать основой будущего *бессмертного* нравственного существования людей? Формула его этики такова: **«Жить нужно не для себя и не для других, а со всеми и для всех»**. Известный исследователь философии Федорова С.Г. Семенова так разъясняет его отношение к фундаментальному этическому противоречию эгоизма и альтруизма: «Для Федорова же это категории одного типа нравственного сознания, тесно связанные между собой, как лицо и изнанка: альтруизм буквально порождает, пестует эгоизм в объекте приложения своего благодеяния — самоотречение одних предполагает вечный эгоизм других. К тому же отдача себя целиком другим может стать преступлением перед собой, “отречением от себя”, утратой собственной личности... Не эгоизм и не альтруизм, относящиеся, по Федорову, к людям, взятым в отдельности (обе позиции взаимно погашаются в таком плодотворном синтезе, из которого родится “мы” и “все”), а жизнь, работа и творчество “со всеми и для всех” в едином, кровно родном для всех деле» [Семенова: 15].

Нетрудно заметить, что провозглашенная Федоровым максима представляет собой лишь иную формулировку второй части категорического императива. По всей видимости, она родилась в полемике с бытовавшими во второй половине XIX века этическими доктринами. С одной стороны, это теория разумного эгоизма, с другой стороны — идеи самоотречения, альтруистического служения

народу, весьма популярные в среде русских революционеров. Федоров призывает не впадать в крайности эгоизма и альтруизма, искать баланс, равновесие между интересами индивидуальной личности и общества. Никто ни для кого не должен быть только средством. Этот кантовский постулат Федоров распространяет и на уходящие поколения. Этика жертвенного служения счастью будущих поколений рассматривается мыслителем как порочная, аморальная по своей сути. В этом Федоров не одинок. С ним, например, солидарен его младший современник С.Л. Франк. В его работе «Смысл жизни» содержится пассаж, выражающий все негодование мыслителя по поводу идеи жертвенного служения счастью будущих поколений. Он пишет: «Некогда в будущем — все равно, отдаленном или близком, — все люди будут счастливы, добры и разумны; ну, а весь неисчислимый ряд людских поколений, уже сошедших в могилу, и мы сами, живущие теперь, до наступления этого состояния, — для чего все они жили или живут? Для подготовки этого грядущего блаженства? Пусть так. Но ведь они сами уже не будут его участниками, их жизнь прошла или проходит без непосредственного соучастия в нем — чем же она оправдана или осмыслена? Неужели можно признать осмысленной роль навоза, служащего для удобрения и тем содействующего будущему урожаю?» [Франк]. Отличие Федорова заключается лишь в предлагаемом способе разрешения этой моральной коллизии — устранении, уничтожении самой смерти.

В философской мысли следующего, XX века важным новым словом в этике следует считать концепцию Альберта Швейцера. Авторитет его личности для всей европейской культуры был весьма высок уже при его жизни, а с годами он только возрастает. Швейцер не просто автор новой этической идеи *благоговения перед жизнью*. Его собственная биография являет собой образец активной нравственной позиции, безукоризненного нравственного поведения, осуществления морального долга.

В двух последних главах его главного труда «Культура и этика» раскрывается суть этики благоговения перед жизнью. Швейцер подчеркивает: «Однако этическое — это нечто большее, чем неэгоистическое! Этическое есть не что иное, как благоговение моей воли к жизни перед другой волей к жизни. Там, где я каким-либо образом жертвую жизнью или наношу ей вред, мои поступки выходят за рамки этики, и я становлюсь виновным, будь то эгоистически виновным ради сохранения своей жизни или своего благополучия, будь то неэгоистически — ради сохранения жизни и успеха некоторого большинства людей» [Швейцер: 322]. Таким образом, мыслитель распространяет моральное отношение на все формы жизни. Швейцер говорит о необходимости творческого решения каждой этически значимой проблемы. Следует подчеркнуть, что и категорический императив содержит то же требование. Ведь он предписывает субъекту морально значимого поступка каждый раз самостоятельно решать, в чем благо другого человека и в чем будет состоять благо всеобщее. Именно способность к активному моральному творчеству является для мыслителя и гуманиста критерием этической — а значит, важнейшей, решающей — оценки каждой конкретной личности. Швейцер пишет: «Идеал культурного человека есть не что иное, как идеал человека, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность... Идеал подлинной человечности состоит для него в том, чтобы оставаться этическим в глубоком миро- и жизнеутверждении благоговения перед жизнью» [Швейцер: 331].

Современный культуролог, филолог и философ Михаил Эпштейн*, критикуя золотое правило, предлагает заменить его «алмазным». Он справедливо подчеркивает, что «золотым правилом сумели вооружиться и человеконенавистнические

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

системы, проповедники которых, духовно разрушая себя, преуспели и в разрушении других, следуя тому же закону морального равенства». Эпштейн — и с этим мы всецело согласны — считает мораль, опирающуюся на «золотое правило», лишь своеобразным этическим минимумом. Он пишет: «Но это лишь первая эпоха нравственного самосознания, длившаяся тысячелетия. Все настоятельнее возникает новая потребность: при определении нравственного закона исходить из *абсолютной единичности, незаменимости* каждого нравственного субъекта. Высшую ценность представляет не только мое подобие другим, наша общая человечность, но и мое отличие от других и их отличие от меня» [Эпштейн: 50]. И далее: «Возможна ли этика, которая учитывала бы именно разность людей, вступающих в нравственное отношение, их несводимость друг к другу?» [Там же].

Но такая этика давно существует. Это «Критика практического разума» Иммануила Канта. К сожалению, это именно этика, то есть *наука о морали*, нравственности. Сама мораль, существующая в форме этических представлений и реальных нравов, не только во времена Канта, но и сегодня, в XXI веке, от теории весьма далека. Но одной из важнейших задач этики как науки всегда была и остается задача формирования нравственных ориентиров. Поэтому этику и называют практической философией.

Итак, какой же принцип, императив, универсальное правило предлагает Эпштейн для решения поставленной им задачи — создать этику, учитывающую каждую конкретную индивидуальность? Сформулированное им «алмазное правило» гласит: «Делай то, чего на твоём месте могли бы желать другие, включая тебя, и чего не мог бы сделать никто, за исключением тебя». Первая часть этого призыва полностью соответствует первой формулировке категорического императива. Что касается второй части («чего не мог бы сделать никто, за исключением тебя»), то она требует внимательного анализа. Очевидно, автор призывает нас исполнять свой моральный долг через реализацию своего призвания, *самореализацию*. В целом подобный подход представляется продуктивным. В эпоху внимательного отношения к индивидуальности человека, когда все чаще говорят о необходимости индивидуального образования, индивидуальной медицины и т. п., закономерно и упоминание индивидуальных моральных требований, индивидуальной моральной оценки. Как правило, на практике так и происходит. Оценка моральному поступку дают не только с учетом его результата и мотива, но и с учетом индивидуальных особенностей субъекта поступка. Однако возводить этот принцип в ранг универсального этического закона едва ли допустимо. Самореализация возможна для индивида и весьма желательна для общества как форма морального творчества [Ерофеева: 185—224]. При этом для людей самых различных склонностей, способностей, особенностей характера существует возможность проявить себя в ситуации морального выбора. Но призвание можно понимать и субъективно. Часто случается, что на момент совершения поступка индивид еще сам не определил, в чем заключается его подлинная самореализация. Кроме того, предложенный принцип оставляет «лазейку» для всякого рода самооправданий.

Как видим, категорический императив и сегодня остается оптимальной формой выражения сущности морали как формы и средства гармонизации интересов всех членов сообщества. Не случайно В.С. Соловьев, который далеко не во всех вопросах этики был солидарен с кенигсбергским мыслителем, считал, что провозглашение категорического императива дало «этике основание, равное по достоверности аксиомам чистой математики» [Соловьев: 474]. Философам последующих веков удавалось лишь расширить сферу применения этого универсального правила (Федоров, Швейцер), но не само его содержание. Содержание это

имеет высокий уровень абстрактности, что является необходимым для проявления субъектом морального поступка собственного творчества в каждой конкретной ситуации. Подобно тому, как буквенные обозначения в алгебре и их соотношения в алгебраических формулах выражают любые числа и их соотношения, две формулы категорического императива применимы к любым морально значимым ситуациям. Судя по всему, категорический императив представляет собой исчерпывающую формулу этической теории и останется таковой, пока существует человеческое общество.

Список литературы / References

- Гумницкий Г.Н. О так называемом Золотом правиле морали // Вестник Российского философского общества. 2014. № 1. С. 82—84.
(Gumnitsky G.N. On the so-called Golden rule of morality, *Bulletin of the Russian Philosophical Society*, 2014, no. 1, pp. 82—84. — In Russ.)
- Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности по Конфуцию // Ведомости прикладной этики. 2018. № 52. С. 111—118.
(Guseinov A.A. The golden rule of morality according to Confucius, *Vedomosti of Applied Ethics*, 2018, no. 52, pp. 111—118. — In Russ.)
- Ерофеева К.Л. Человек в информационном обществе: сущность и существование. Иваново: Изд-во ИГЭУ, 2007. 408 с.
(Erofeeva K.L. Man in the information society: essence and existence, Ivanovo, 2007, 408 p. — In Russ.)
- Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 219—310.
(Kant I. The foundations of the metaphysics of morals, *Kant I. Complete works: in 6 vols*, vol. 4, part 2, Moscow, 1965, pp. 219—310. — In Russ.)
- Семенова С.Г. Философ будущего века // Семенова С.Г. Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. М.: РХГА, 2004. Кн. 1. 1112 с.
(Semenova S.G. The philosopher of the future century, *Semenova S.G, N.F. Fedorov: pro et contra*: in 2 vols, vol. 1, Moscow, 2004, book 4, 1112 p. — In Russ.)
- Соловьев В.С. Кант // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 441—479.
(Solovyov V.S. Kant, *Solovyov V.S. Works: in 2 vols*, Moscow, 1988, vol. 2, pp. 441—479. — In Russ.)
- Уолтз Дж. Золотое правило. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. 346 с.
(Waltz J. The golden rule, Moscow, 2016, 346 p. — In Russ.)
- Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова: в 2 т. М.: печатня А. Снегиревой, 1913. Т. 2. 473 с.
(Fedorov N.F. The philosophy of the common cause. Articles, thoughts, and letters by Nikolai Fedorovich Fedorov: in 2 vols., Moscow, 1913, vol. 2, 473 p. — In Russ.)
- Франк С.Л. Смысл жизни. М.: АСТ, 2004. 157 с.
(Frank S.L. The meaning of life, Moscow, 2004, 157 p. — In Russ.)
- Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
(Schweitzer A. Culture and ethics, Moscow, 1973, 343 p. — In Russ.)
- Эпштейн М.Н. * От золотого правила — к алмазному: об этике дара и различия // Человек. 2009. № 1. С. 49—54.
(Epstein M.N. From the golden rule to the diamond rule: on the ethics of gift and difference, *The man*, 2009, no. 1, pp. 49—54. — In Russ.)

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

ARITHMETIC AND ALGEBRA OF MORALITY (ON THE GOLDEN RULE OF MORALITY AND KANT'S CATEGORICAL IMPERATIVE)

Kseniya L. Yerofeeva

Ivanovo State Power University named after V.I. Lenin, Ivanovo, Russian Federation,
xenia.erofeeva@mail.ru

Abstract. The golden rule of morality and Kant's categorical imperative are examined in their relationship as milestones of historical progress in the field of moral consciousness in general and ethical theory in particular. The principle of retaliation is considered as a form of primitive consciousness, while the principle of reciprocity is considered as an initial form of morality. Contradictory assessments of the golden rule of morality made by a number of contemporary philosophers are presented. As a result of their analysis, it is proved that the golden rule of morality is historically and logically the first level of moral consciousness, acting as the “arithmetic” of moral practice and ethical theory. The ethical positions of N.F. Fedorov and A. Schweitzer are analyzed in relation to the content of the categorical imperative. The conclusion is substantiated that the categorical imperative remains the optimal form of expressing the essence of morality as a form and means of harmonizing the interests of all members of any community.

Keywords: the golden rule of morality, the categorical imperative, moral consciousness, ethical theory, N.F. Fedorov's supramoralism, the ethics of reverence for life, altruism, and egoism

For citation: Yerofeeva K.L. Arithmetic and algebra of morality (on the golden rule of morality and Kant's categorical imperative), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss 3, pp. 166—173.

Статья поступила в редакцию 01.04.2026; одобрена после рецензирования 18.06.2026; принята к публикации 03.07.2026.

The article was submitted 01.04.2026; approved after reviewing 18.06.2026; accepted for publication 03.07.2026.

Информация об авторах / Information about authors

Ерофеева Ксения Леонидовна — доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru, SPIN: 4471-8635

Yerofeeva Kseniya Leonidovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power University named after V.I. Lenin, Ivanovo, Russian Federation, xenia.erofeeva@mail.ru